Проект «глобализация»: роль и место во всемирно-историческом процессе

Владимир Павленко
Владимир Штоль

Популярный в наше время термин «глобализация», автором которого считается американский политолог Н.Фергюссон, появился сравнительно недавно (1985 г.) и, видимо, не случайно, является ровесником горбачевской перестройки. Фактически же глобализация была провозглашена еще в 1965 г. основателем Римского клуба А.Печчеи под видом «глобального плана», предполагавшего интеграцию Европы и Северной Америки в «Североатлантическое партнерство» с последующим подключением к этому процессу Восточной Европы, включая СССР, и Латинской Америки[1].

К числу теоретиков глобализации, наряду с Э.Тоффлером, предложившим философскую концепцию строительства технократического общества, относят других видных членов Римского клуба. Среди них авторы ряда подготовленных для него, особенно в начальный период, докладов, в первую очередь:

– «Пределы роста» (группа Д.Медоуза, 1972 г.);
– «Человечество на перепутье» (М.Месарович и Э.Пестель, 1974 г.);
– «Пересмотр международного порядка» (Я.Тинберген, 1976 г.);
– «Цели для человечества» (Э.Ласло, 1977 г.);
– «Энергия: обратный отсчет» (Т. де Монбриаль, 1978 г.).

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук, действительный член Академии геополитических проблем. *E-mail:* pvb.55@yandex.ru

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-конфессиональных отношений МИГСУ РАНХиГС при Президенте России, профессор Центрально-Европейского Университета в Скалице (Словакия). *E-mail:* observer@ru.ru

Ключевые слова: глобализация, Россия, Гегель, Леонтьев, цивилизация, идентичность, цивилизационный подход, цивилизационные проекты.

Сформулированные в этих докладах взгляды на содержание глобальных проблем и пути их решения, создавшие теоретико-методологический фундамент глобализации в экологической, экономической, социальной, а также политической и геополитической сфере, были подкреплены формированием ряда институтов – публичных и закрытых, вертикальных и горизонтальных (сетевых), объединенных общей глобально-управленческой логикой и структурой.

Глобализация как научная проблема: мифы и реальность

Сегодня имеется не один десяток определений глобализации. Выделяют ее различные аспекты: экономический, политический, культурный, ценностный, религиозный и др., а также типы глобализации. Среди них: абсолютная – относительная, однополярная – многополярная, экономическая – политическая. На этой основе говорят о различных глобализационных моделях, например о глобализме и антиглобализме (альтерглобализме).

Общее у большинства определений то, что глобализация рассматривается, во-первых, естественным и объективным, а во-вторых, позитивным процессом. Утверждается, что она «безальтернативна», «необратима», «определяется рыночными, а не государственными силами» и как бы подводит итог всей эволюции человечества[2], и эти утверждения очень многими в современной политической науке принимаются за некую аксиоматическую константу, не подлежащую ни обсуждению, ни анализу, тем более критическому, ни даже сомнению.

У этого массового заблуждения имеются как объективная, так и субъективная причины.

Первая состоит в поверхностности предлагаемых суждений. Глобализация упрощается и «осовременнивается» путем отрыва от философских и исторических корней и помещается в сугубо современный политический контекст. Любые нестыковки и проблемные вопросы, например об ее обратимости, тщательно обходятся с помощью новомодных теорий (скажем, «волн глобализации»).

Субъективная же причина подобных заблуждений обусловлена мощными «теневыми» корпоративно-групповыми (глобально-олигархическими) интересами, заинтере- сованными в глобализации, старающимися как можно быстрее продвинуть ее до рубежа, по прохождении которого проснувшееся и осознавшее, что происходит, человечество уже не сможет, просто не успеет обратить ее вспять*.

---

* Д.Рокфеллер (из выступления на заседании Бильдербергского клуба, 1993 г.): «…Мы признательны редакторам за то, что те на протяжении почти четырех десятилетий свято уважали обещание хранить молчание. Без этого было бы невозможно осуществить наш проект (или план) мирового устройства, поскольку на протяжении всех этих лет мы находились бы под пристальным вниманием… Наднациональный суверенитет интеллектуальной элиты гораздо предпочтительнее самоопределения наций, осуществляемого в прошлые века. …Таким образом, мы обязаны держать прессу в неведении относительно наших убеждений, составляющих историческое будущее нашего века»[3].

Отсутствие ясности по этому вопросу объясняется замалчиванием соответствующих исследований, представлением их «маргинальными» с одновременным активным продвижением конспирологических теорий, задача которых – увести исследовательский процесс в сторону от реальности, утопить его в хаотичном наборе несистематизированных и труднопроверяемых фактов и дискредитировать тех, кто им занимается.

Кроме того, нас фарисейски пытаются убедить в невозможности научной верификации продвигаемых в процессе глобализации «теневых» интересов и «теневой» политики, хотя это на самом деле не так. Ведь если доказательная база в публичной политической сфере строится на соответствующих документах, то в «теневой» политике, как одному из авторов уже приходилось отмечать[4], объективными доказательствами служат бизнес-интересы глобально-олигархических групп, которые выражены структурой акционерного капитала глобальных ТНК. Важно также учитывать динамику и направленность изменения этих интересов и структуры, что раскрывает приоритеты, наложение которых на соответствующие политические события и геополитические процессы дает весьма достоверную общую картину текущей ситуации и направлений ее развития – в истории и современности.

Кстати, и документов с надежной верифицируемыми источниками здесь тоже предостаточно (например, опубликованные материалы ряда структур ООН, Социнтерна, Римского клуба, Трехсторонней комиссии, других глобальных институтов).

Имеется целый ряд весьма глубоких исследователей, обладающих серьёзной научной репутацией. На Западе необходимо назвать Э.Саттона, У.Энгдаля, Н.Хаггера, М.Хардта и А.Негри, Д.Эстулина, К.Квигли, Дж.Фарелла, М.Саркисянца, Н.Уэбстер, Дж.Талмона, К.Крауча; в России – Л.Г.Ивашова, А.И.Фурсова, О.Н.Четверикову, Е.Г.Пономареву, И.В.Ермакову и др.

Все это побуждает не ограничиваться рассмотрением объективных факторов глобализации и обратить внимание на продвигающие ее субъекты. Борьба такого главного субъекта – глобальной олигархии, включающей кланы Ротшильдов, Рокфеллеров и Ватикана, – с теми, кто ей противостоит, и является основным содержанием текущего момента, определяя переходный характер переживаемого нами после распада СССР исторического безвременья. Поэтому чтобы опровергнуть навязываемые нам мифы, потребуются две вещи: отыскать место феномена глобализации во всемирно-историческом процессе и доказать его проектный характер. Именно это мы и проделаем, в том числе с помощью ряда теорий и авторов, хорошо известных, но преданных в постсоветское время незаслуженному забвению.

Леонтьев против Гегеля

Мы привыкли считать всемирно-исторический процесс непрерывно развивающимся, забывая при этом, что развитие может осуществляться в двух направлениях – вперед и тогда оно именуется прогрессом, и назад – когда оно превращается в противоположность прогресса – регресс.

Сегодня преобладает материалистическое понимание всемирно-ис-

торического процесса, в рамках которого он видится линейным, равномерным, безостановочным движением вперед к определенному конечному рубежу. Например:

– официальное определение коммунизма как «бесклассового общественного строя с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где... все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип "от каждого – по способностям, каждому – по потребностям"...»[5];

– концепция «конца истории» Ф.Фукуямы, которая рассматривает источником изобилия и конечной точкой социокультурного развития либеральную демократию[6] (от этой теории Фукуяма неоднократно отрекался, но всякий раз к ней возвращался).

Общее у этих подходов одно: достигая названного рубежа, всемирно-исторический процесс утрачивает динамику и завершается, ибо развиваться ему становится некуда. Показательно, что одним из источников своей концепции Фукуяма называет марксизм, а Ф.Энгельс, в свою очередь, указывал на либеральное происхождение первых коммунистических кружков и обществ, объединившихся в 1847 г. в «Союз коммунистов»[7], подтверждая историческую взаимосвязь этих течений в рамках присущего Западу единого идейно-политического дискурса.

Однако обоснованность подобного подхода вызывает серьезные сомнения. Во-первых, метафора «некуда развиваться» апеллирует к гнозису «примордиальной (изначальной. – *Авт.*) традиции» Р.Генона, широко отраженной в различных мифологиях представлениями о некоем «Золотом веке». Назвать ее научной концепцией нельзя ввиду эзотерического характера, обусловливающего тесную связь с герметизмом, теософией и другими «источниками и составными частями» масонства. В жестком противоречии, естественно, находится она и с христианством и другими традиционными религиями, ибо рассматривает их продуктами своего распада, получая в ответ вполне обоснованные, на наш взгляд, обвинения в антицерковности и оккультизме.

Во-вторых, если обратиться к теории «осевого времени» немецкого философа К.Ясперса, считающей началом истории зарождение первых духовных систем, в том числе мировых религий (800–200 гг. до РХ), то всемирно-исторический процесс видится непрерывной, циклично восходящей спиралью, вращающейся вокруг сформированного «осевым временем» стержня[8]. Стараясь «спрямить» эту спираль и ускорить прогресс, адепты «конца истории» вольно или невольно уводят его по линейной траектории в сторону. По мере удаления от «осевого» стержня прогресс необратимо превращается в свою противоположность – регресс, а подгоняющие его прогрессисты – в «прогрессоров», заблудших или циничных, толкающих человечество к неминуемой гибели.

Чем объяснить такое перерождение прогрессизма?

На наш взгляд, заложенной в его основу диалектикой Г.В.Ф.Гегеля – тремя диалектическими законами (перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрица-

ния), объединенными формулой диалектической триады: тезис – антитезис – синтез. Неслучайно диалектическим процессом у Гегеля управляет «мировой дух» («абсолютный субъект») – гностический эквивалент «примордиальной традиции» Генона[9].

Примеров применения метода диалектической триады для планирования и управления политическими процессами множество.

Например:

– теория конвергенции (создатели – Дж.Гэлбрейт, У.Ростоу), поддержанная Римским клубом (Я.Тинберген), формирует политическую триаду: капитализм (тезис) – социализм (антитезис) – постиндустриализм (синтез).

В Советском Союзе эту теорию подвергали официальной критике, но в конечном счете под влиянием А.Д.Сахарова и других диссидентов, взгляды которых составили идеологический фундамент «перестройки», на нее «клюнули»;

– теория модернизации (в ее «инновационном» прочтении второй половины XX в.) предлагает социологическую триаду, связанную с эволюцией обществ: традиционное (тезис) – переходное (в рамках научно-технической революции [антитезис]) – рациональное (синтез). Причем если классиками этой теории (М.Вебером, Э.Дюркгеймом и др.) прямо пропагандировался «универсализм» западного рационализма, то ее современные интерпретаторы фарисейски призывают к «гармонии» западных и незападных обществ путем поощрения индивидуального выбора, которым они маскируют свойственный исключительно Западу приоритет частных интересов перед коллективными, общественными. (Инструментом подобной подмены, представляющей собой тщательно спланированную и последовательно осуществляемую идеологическую диверсию, служит концепция «устойчивого развития»).

– «Универсальная декларация прав человека» Г.Уэллса (с которой в 1948 г., по сути, списали Всеобщую декларацию прав человека) выводит идеологическую триаду: либерализм (тезис) – социализм (антитезис) – космополитизм, т.е. глобализм, мировоззрение и политика глобализации (синтез).

Крупный американский ученый Э.Саттон, труды которого привлекли научное внимание к использованию диалектического метода в глобальном управлении политическими процессами, свидетельствует, что именно таким образом осуществлялась подготовка Второй мировой войны. Поддержка советской индустриализации рассматривалась тезисом, а ремилитаризация Германии при нацистском режиме – антитезисом. Синтез ожидался в виде безраздельного западного доминирования в послевоенном мире. (Агентурные подтверждения правоты Саттона приводятся легендарным советским разведчиком-нелегалом генералом Ю.И.Дроздовым.*) Когда эти планы

---

* Ю.И.Дроздов: «Сегодня никто не вспоминает... что на самом деле подготовка ко Второй мировой войне началась в 1929 г. со встречи американского президента Герберта Гувера с виднейшими предпринимателями США из Центра Рассела; есть у них такое тайное общество. Оно заявило Гуверу: “Приближается кризис, попытаться избежать трудного положения, в котором могут оказаться США, можно лишь изменив расстановку сил в мире. Для этого надо оказать помощь России, чтобы она окончательно избавилась от разрухи – последствий Гражданской войны, и помочь Германии избавиться от тисков Версальского договора”. “Но на это нужны деньги, – возразил Гувер, – несколько миллиардов. Да и для чего нам это нужно, что будет потом?”. “А потом надо столкнуть Россию и Германию лбами для того, чтобы, воспрянув после кризиса, США оказались только один на один с оставшимся из этих противников”. Такие деньги в результате были выделены. И те же самые американские концерны, которые помогали России восстанавливать хозяйство – строили заводы, участвовали в создании Днепрогэса – восстанавливали и оснащали Германию»[10].

были разрушены триумфом СССР и Красной армии в мае 1945 г., западными политтехнологами начал создаваться новый диалектический конфликт, в котором на этот раз едва не «столкнули лбами» Советский Союз и Китайскую Народную Республику[11].

Таким образом, будущее у Гегеля рождается из столкновения и взаимного уничтожения прошлого и настоящего, а прогресс видится непрерывным и бесконечным отрицанием и отказом от прежнего опыта и смыслов.

Обратимся теперь к антиподу материализма – традиционализму, оговорившись при этом, что он не однороден. Упомянутой интегральной концепции традиционализма (по Генону), представляющей собой «право-реакционное», «фашистское»* отражение трансцендентной «примордиальной традиции», противостоит другая, имманентная, концепция рефлексивного традиционализма, сложившегося в Европе в виде реакции на Реформацию, Просвещение и разложение Средневековья (наиболее известные представители – Э.Берк, Ж. де Местр).

Русский поэт и крупный политический мыслитель Ф.И.Тютчев, адаптировавший рефлексивный традиционализм к особой роли России во всемирно-историческом процессе (о самой этой роли ниже), жестко противопоставил его интегральному, указав на то, что религиозное содержание подлинной традиции в последнем замещается оккультно-эзотерической псевдо- и антитрадицией. Православная Россия, по Тютчеву, противостоит стремительно секуляризующемуся (ныне уже полностью секуляризованному, постхристианскому) Западу именно как воплощенной антитрадиции, материализованной в феномене революции[13].

Идеализм, как именовалась религиозная концепция традиционализма в марксистском диалектическом материализме, тоже имеет собственную концепцию всемирно-исторического процесса, которая описывается религиозными воззрениями и заключается в движении от начала времен к их концу.

«Конец времен», если перевести Откровение (Апокалипсис) апостола и евангелиста Иоанна Богослова на светский язык научной концепции, – это и есть конец истории[14].

Обратим внимание: Фукуяма наступление такого конца торопит, подгоняет, а появление его изысканий по срокам совпадает с завершающим периодом разрушительной советской перестройки. И поскольку ясно, что это совпадение не случайное, закономерен вопрос: чьим «рупором» он является?

---

* Из доклада Трехсторонней комиссии «Кризис демократии» (1975 г.): «…Европа знала трагический период рождения нового мира из руин Первой мировой войны. Когда потребовался порядок – возник фашизм. *Фашизм и нацизм – это возрождение старых форм авторитета ради необходимого порядка, восстановление которого сопровождалось возвращением к прежним формам социального поведения. …Может ли Европа пережить новую такую задержку? Может: конечно, но не такую, а другой направленности. Потому что иначе неизбежна потеря прежних взглядов, воли, чувства миссии, реальной мотивации борьбы за реставрацию морального порядка, за капитализм или нечто похожее и т.д. Однако у нас нет “право-реакционного” движения…»* (курс. – *Авт.*)[12].

Для ответа на него подчеркнем, что приближение «конца истории» – базовый постулат крупного идеологического течения, сформировавшего не только собственную методологию и онтологию, но и собственную метафизику, – христианского сионизма (диспенсационализма). Своеобразно трактуя Апокалипсис, его адепты пытаются превратить пророчества Иоанна Богослова в инструмент восстановления Израиля в границах начала первого тысячелетия до РХ, т.е. израильского царства Давида (от Нила до Евфрата). По их мнению, это должно исполниться как раз к «концу времен», ко второму пришествию Спасителя. Тем самым в историческую перспективу, связанную с искусственным приближением «конца времен», вплетается формально христианское, но фактически разрушительное для христианства стирание его оппозиции иудаизму, осуществляемое в «толерантной» формуле так называемого иудео-христианства.

Появившись в XIX в., христианский сионизм получил наибольшее развитие уже в следующем столетии.

В Великобритании его приверженцами являлись Д.Ллойд Джордж, А.Бальфур, У.Хехлер (оказавший содействие Т.Герцлю в проведении первого Всемирного сионистского конгресса в Базеле, 1897 г.).

Среди них также находится У. Ротшильд, которому была адресована знаменитая Декларация Бальфура, подтверждавшая обязательства официального Лондона по содействию создания в Палестине еврейского государства. Именно это способствовало получению Британией от Лиги Наций мандата на управление этой территорией.

Следует отметить, что взаимодействие Бальфура с Ротшильдом получило развитие уже после фактического переворота во Всемирной сионистской организации (ВСО), осуществленного сторонниками «тайного» (каббалистического) сионизма из хасидской секты Хабад во главе с Ахад-Гаамом (А.Гинцбергом)*.

Доктрина этого течения, пути и ход ее реализации, а также тесная связь с христианским сионизмом, источником которого оно является, подробно раскрываются в работах О.Н.Четвериковой[16] .

Со времен Второго Ватиканского собора (1962–1965 гг.) доктрина христианского сионизма получает поддержку и в Ватикане, где под влиянием мощной группы масонского влияния во главе с кардиналом А.Беа (председателем экуменического Папского совета по христианскому единству) создается рабочая группа по контактам с иудейским миром**. На решения собора, в том числе Пастырскую конституцию о Церкви в современном мире (в которой утверждается еретический с точки зрения христианской догматики постулат о принадлежности к «народу Божию»

---

* Отголоском этого события служит следующая выдержка из Электронной еврейской энциклопедии: «11-й Сионистский конгресс. Вена, 2–9 сентября 1913 г. 539 делегатов. Председатель – Д.Вольфсон. ...В работе конгресса впервые не участвовал М.Нордау (соратник и преемник Т.Герцля. – *Авт.*); *в приветственном письме делегатам он обвинил руководство Сионистской организации в отходе от линии Т.Герцля...»* (курс. – *Авт.*)[15].

** Принадлежность покойного кардинала Беа к одной из влиятельных масонских лож была установлена в ходе расследования, проведенного по поручению папы Павла VI в 1971 г. контрразведкой Ватикана *(SD)*.

иудеев, как народа, «...от которого Христос был рожден по плоти...»[17]), замыкается линия папской наследственности. Учитывая, что начало собора пришлось на понтификат Иоанна XXIII, а завершение – Павла VI, двое следующих католических первосвященников взяли себе символически комбинированное духовное имя Иоанн Павел (I и II), свидетельствующее об их инициативной поддержке этих решений, ставших краеугольным камнем политики Святого престола.

Именно с ускорением сближения католиков и иудеев, современные принципы которого были заложены в 2007 г. Берлинской декларацией, принятой Международным советом христиан и иудеев (МСХИ)[18], рядом наблюдателей связывается отречение папы Бенедикта XVI. Кроме того, данное событие безусловно, вписывается в прошлогоднее поглощение Рокфеллеров боковой ветвью Ротшильдов[19]. Глобальная экспансия этого клана, запущенная консолидацией на основе переподчинения британской ветви Ротшильдов французской (2004 г.), с приходом нового папы получает распространение и на третий глобальный клан – Ватикан.

В США распространение христианского сионизма на рубеже XIX–XX вв. было связано с деятельностью ряда евангелистских пасторов (наиболее известен С. Скоуфилд) и ее финансовой поддержкой со стороны предводителей основных кланов все той же глобальной олигархии – Дж.Д.Рокфеллера-старшего (основателя династии) и Дж.П.Моргана, соединившего клановые интересы Рокфеллеров и Ротшильдов в преддверие создания в 1913 г., сразу за переворотом в ВСО, Федеральной резервной системы США. Во второй половине XX столетия доктрина христианского сионизма проникла в неоконсервативное учение, соединившись там не только с крайним либерализмом (либертарианством) Л.Штраусса, но и с другим «источником и составной частью» неоконсерватизма – троцкизмом; еще один отец- основатель этого учения И.Кристол, входил в IV Интернационал.

Именно этот сплав троцкизма, либерализма и сионизма сформировал идеологию администрации Дж.Буша-младшего.

Соединив идеи перманентной революции, либеральной демократии и иудейского мессианства, она воплотила в себе переложенную на «демократический» лад идею «мировой революции». (Отметим, что в СССР подобные планы были свернуты еще в 20-е годы, в связи с принятием сталинской концепции строительства социализма в отдельно взятой стране. В 1936 г. И.В.Сталин отказался от коммунистической «мировой революции» уже официально, ознакомив с этим мировую общественность[20].)

Революционный троцкизм «неоконов», который унаследовала и администрация Б.Обамы, составил основу концепции «глобальной демократической революции». Буш изложил ее 6 ноября 2003 г. в программном выступлении в Национальном фонде поддержки демократии (НДФ), созданном в 1983 г. в целях «укрепления демократических институтов во всем мире через воздействие на НПО».

Глобальная демократическая революция, заявил Буш, «...это огромное и трудное предприятие, но оно стоит наших усилий, стоит наших жертв, потому что мы знаем, что поставлено на карту. Неудача иракской демократии ободрит террористов по всему миру, повысит опасность для американского народа и лишит надежд миллионы людей этого региона. Иракская демократия победит, и эта победа пошлет весть от Дамаска до Тегерана о том, что свобода может стать будущим каж-

дой нации (здесь явно усматриваются корни происходящего в данном регионе сегодня. – *Авт.*). Создание свободного Ирака в самом сердце Среднего Востока станет поворотным пунктом для глобальной демократической революции»[21].

После Буша эту «генеральную линию» подтвердила К.Райс (в 2005 г.) и, в контексте преемственности, Б.Обама (2009 г.). Оба раза это происходило в «сердце» будущей «арабской весны» – в Каире.

Возвращаясь к Иоанну Богослову, отметим, что в отличие от Фукуямы, Буша, Обамы, Ватикана и христианских сионистов он «конец времен» и истории не подгоняет, а, напротив, тормозит: сроки его не установлены и зависят от самого человечества, от темпов и глубины его грехопадения.

Получаем парадокс: материалистическое понимание прогресса превращает его в противоположную форму развития – регресс и тянет человечество к Апокалипсису, к гибели. Традиционализм же удерживает от этого исхода, сохраняя человеческому роду жизнь, историю, а также перспективы прогресса, о котором так печется материализм. Получается, что далеко не всякий материализм прогрессивен и не всякий традиционализм ведет к регрессу. Бывает и наоборот.

Также получается, что «концом времен», истории и человечества можно считать любую глобализацию. Но если ее социалистический вариант («планирование в мировом масштабе»), провозглашенный Э. Че Геварой, в знаменитой алжирской речи (1965 г.), сегодня не более чем теоретическая абстракция, то капиталистическая глобализация (под видом «глобальной демократической революции»*) уже се-

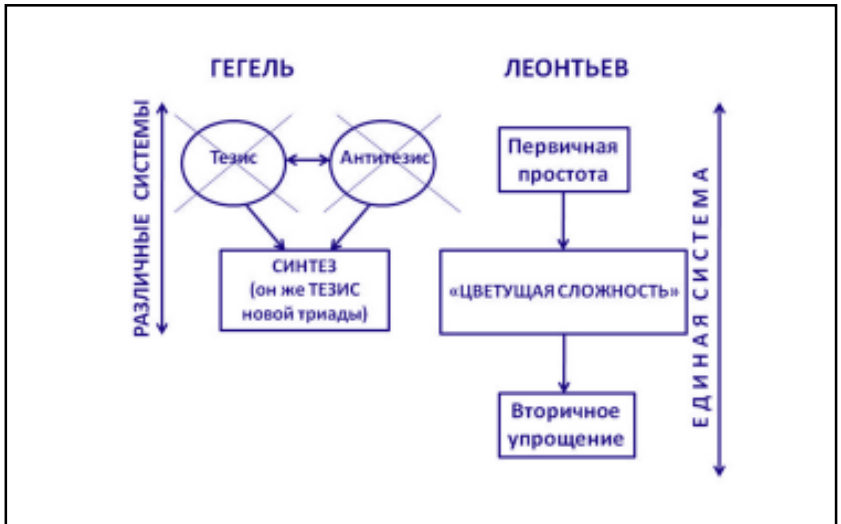

Рис. 1. Системы взглядов на механизм всемирно-исторического процесса

* В 1990 г., в канун распада СССР, Римским клубом был опубликован специальный программный доклад (отчет), который так и назывался: «Первая глобальная революция»; авторство этого документа принадлежало президенту клуба А.Кингу и генеральному секретарю клуба Б.Шнайдеру.

годня является суровой политической реальностью.

Политическую философию парадокса «превращенного прогрессизма» раскрыл К.Н.Леонтьев – крупный религиозный философ второй половины XIX в. Он предложил другую формулу развития, тоже триаду, но принципиально иную, чем у Гегеля: первичная простота – «цветущая сложность» – вторичное окончательное упрощение (смерть)[22]. Прогрессизм здесь востребуется только на стадии восхождения к «цветущей сложности». Поэтому после ее достижения появляется запрос на консерватизм – чтобы сохранить достигнутое, не допустив или затормозив его разрушение, и избежать обвала в регресс.

Как видно на рис. 1, гностик и диалектик Гегель главной фазой считает третью – синтез, т.е. акт взаимного отрицания и уничтожения тезиса и антитезиса. Поэтому он призывает крушить одну систему за другой и, не останавливаясь, идти вперед, и только вперед – создавать все новые и новые.

Синтез в каждой такой триаде у него тоже не окончательный, а лишь тезис новой триады, также подлежащий со временем отрицанию и уничтожению. Причем ясно, что диалектический метод не только распространяется на такие сложнейшие социальные системы, как социум, – страну, человечество в целом – но и считает их своим главным объектом. Завершить же диалектический процесс как непрерывную череду постоянно сменяющихся триад, следовательно, предполагается только с «синтезированием» «конца истории».

У христианского мыслителя Леонтьева главная фаза – вторая: «цветущая сложность». Достигается она не уничтожением, а усложнением, т.е. созиданием. Отрицание же равнозначно не развитию, а гибели. Леонтьев предлагает, двигаясь вперед, постоянно закреплять достигнутое, избегая непродуманных экспериментов. Он твердо знает, что Россия и человечество – это уникальные, неповторимые системы и что ломать – не строить.

Политический консерватизм и даже реакция, учит Леонтьев, тоже могут быть прогрессивными в том случае, если дают отпор разрушению и продолжают историю. Так диалектической трактовке всемирно-исторического процесса было противопоставлено его христианское видение, в рамках которой получил объяснение парадокс превращения прогресса в регресс.

Выбрав Гегеля вместо Леонтьева, Россия дважды в течение XX в. попадала в ловушку диалектического процесса – в феврале (именно в феврале, а не в октябре) 1917-го и в августе 1991 г. Регресс в обоих случаях начинался незамедлительно, несмотря на все разговоры о наступлении «свободы, демократии и прогресса».

Прогрессистские теории всемирно-исторического процесса: общее и особенное

Идеологическая дифференциация прогрессизма также имеет диалектическую природу, ибо основана на очевидном тезисно-антитезисном противостоянии социализма и либерализма, синтез которого, как уже отмечалось, видится в постиндустриализме, тесно связанном с

концепцией «устойчивого развития». Известный украинский ученый Э.А.Афонин удачно охарактеризовал ее как «базовый концепт Постмодерна».

Марксистская теория общественно-экономических формаций (ОЭФ), положенная в основу исторического материализма, в середине XX в. получила на Западе ответ в виде преобразованного (или «превращенного») варианта теории модернизации, также выделившей во всемирно-историческом процессе ряд стадий («больших эпох»). Формационной эволюции от рабовладения к феодализму, капитализму и коммунизму (с социализмом в виде первой фазы) была противопоставлена иная, стадийная шкала – движение от Античности к Средневековью, Модерну и т.д. (рис. 2).

Рис. 2. Прогресистские теории всемирно-исторического процесса

Несмотря на кажущийся антагонизм (теория ОЭФ объясняет эволюцию сменой отношений собственности, а теория модернизации – динамикой социокультурных отношений и технологических укладов), общая для них прогрессистская оптика диктует и общность узких мест. Главное – эволюция человечества рассматривается в целом, не размениваясь на такие «мелочи», как место отдельных стран и народов на этой лестнице истории.

Это предъявляет обеим теориям ряд неудобных вопросов, например:

– если социализм – начальная фаза коммунизма, как быть с западными социалистами и социал-демократами, которые входят в капиталистические двухпартийные системы?;

– в каких «больших эпохах» находятся элиты и население стран и народов, не принадлежащих к «золотому миллиарду» – в одной и той же или в разных;

– в какой формации оказались после распада единой страны субъекты бывшего СССР и как быть с вектором развития в этой теории, исключающим возврат из социализма (коммунизма) в капитализм;

– как объяснить наблюдаемую сегодня фактическую реколонизацию Африки, которую запустили события «арабской весны», ведь необратимость вектора развития считается характеристикой не только формационной, но и стадийной эволюции;

– что делать с самой теорией модернизации – переименовать ее в теорию «постмодернизации»? Ведь вопреки основоположникам «неофиты» (У.Ростоу, Дж.Гэлбрейт, Зб.Бжезинский и др.) объявили «модернизацией» трансформацию не аграрных обществ в индустриальные, а индустриальных в постиндустриальные.

Ясно, что все эти вопросы носят сугубо риторический характер, ибо

ответы на них уже давно даны. Причем и теорией, и практикой:

– социализм советского и западного типа – принципиально разные социализмы, их разделяет отношение (принятие – непринятие) к ленинской теории государства;

– элиты и население большинства незападных государств находятся в разных «больших эпохах»: первые, являясь преимущественно компрадорскими, интегрированы в глобализацию и ее институты, вторые с помощью этих институтов стремительно опускаются в архаику;

– вектор развития обратим, ибо само развитие может осуществляться в форме не только прогресса, но и регресса;

– развитие теории модернизации подменено утверждением постмодернизма (в нашумевшей книге Бжезинского неслучайно рассматривалось не сохранение индустриальной эры, а переход от нее к «технотронной»*). Активизация этого процесса поэтапно связана с созданием Римского клуба, который адаптировал идеи христианских сионистов к экономическому, социальному, политическому и геополитическому проектированию («миростроительству»), уложив его в постмодернистский глобалистский контекст «устойчивого развития».

Самое главное, Постмодерн, который, по утверждениям адептов стадийного подхода, идет на смену Модерну, отнюдь не универсален и не оправдывает выданных ему авансом характеристик «постиндустриального, информационного, “продвинутого” – инновационного и креативного общества, основанного не на промышленном, а на “человеческом капитале”». Да и выдаются такие характеристики преимущественно либералами, прежде всего «систем-ными» (так называемыми «сислибами»)[23].

Во многих развивающихся странах, особенно в Африке и Южной Азии, по-прежнему, пользуясь мобильной связью, пашут на впряженных в соху волах и буйволах.

Интернет кроме ускорения общения и упрощения доступа к информации породил множество проблем. Самые острые из них: атомизация социума за счет его перепрограммирования на потребительскую мотивацию поведения, примитивизация мышления ввиду переизбытка информации и дефицита времени на ее обработку, его шаблонность, воспитанная электронными играми, возможность управлять через социальные сети общественным и политическим сознанием и поведением и т.д.

«Человеческий капитал», которым так восторгаются «либералы-инноваторы», ищет счастья отнюдь не на родине, а там, где выше зарплаты, ниже налоги и крепче банковская тайна.

Мы по-прежнему потребляем промышленную и сельскохозяйственную продукцию, постоянно дорожающую еду и одежду никто не отменял. Получается, что уход в виртуальный мир, обусловленный перекосом в «инновационную» сторону, сопровождается появлением разнообразных дефицитов – энергетического, продовольственного и др. Результатом этого, помимо снижения уровня жизни, оказывается сосредоточение «точек роста» в ограниченном количестве крупных мегаполисов, что исключает из развития все остальное население, обрекая его на деградацию.

Для чего это делается?

Расчеты, осуществленные М.Л.Хазиным в рамках созданной им теории кризиса, показывают, что в

---

* Полное название этого труда, вышедшего еще в 1966 г., но так и не опубликованного на русском языке, – *Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era* («Между двух веков: роль Америки в технотронной эре»).

США, например, «инновационный» сектор («новая экономика») забирает около 25% потребляемых ресурсов, а возвращает в экономику лишь от 15 до 20% произведенного с их помощью ВВП (рис. 3).

Между тем хорошо известно, что в рыночных условиях заведомая убыточность указывает на конъюнктурно-политическое происхождение проекта; на рис. 3 это наглядно демонстрируется резким ростом доли инвестиций в «новую экономику» именно с 1992 г., т.е. с распада СССР.

Выход из постмодернистского тупика, в котором оказались с разрушением и возвратом в капитализм социалистического лагеря и завершением Модерна обе рассматриваемые прогрессистские теории, вновь отыскивается в соединении прогрессизма с традиционализмом с помощью цивилизационного подхода.

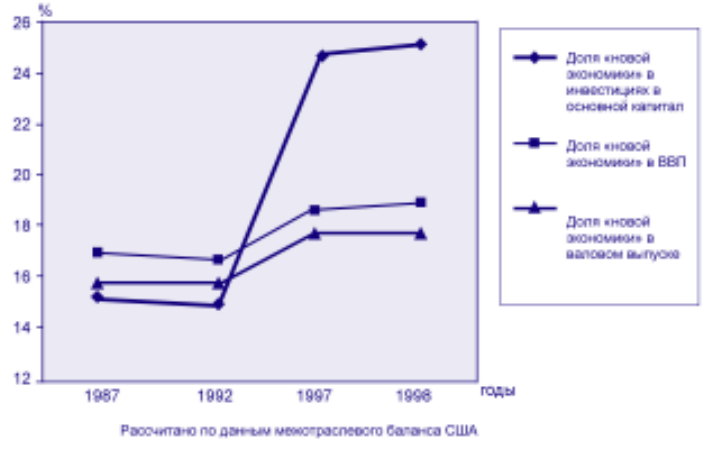

Рис. 3. Доля «новой» экономики в инвестициях, ВВП и валовом выпуске, (%)[24]

Цивилизация и идентичность: ценности, модели, проекты

Авторство цивилизационной теории принадлежит российскому мыслителю середины XIX в. Н.Я.Данилевскому, определившему цивилизацию как «культурно-исторический тип» (личность)[25].

Определенные коррективы в идеи Данилевского, считавшего «точкой цивилизационной сборки» противопоставленный Западной Европе панславизм, были внесены другими консервативными мыслителями, указывавшими на религиозную чуждость русским западных славян, ясно осознанную, например, в литературе Н.В.Гоголем, а в политической мысли Ф.И.Тютчевым.

В начале XX в. цивилизационный подход был подтвержден и получил дальнейшее развитие в трудах О.Шпенглера («Закат Европы») и А.Дж.Тойнби («Постижение исто-

рии»), признавших цивилизацию циклически развивающейся высшей формой эволюции локальных культур. Благодаря этим выводам категория «цивилизация» оказалась увязанной с традицией, но не в интегральном (гностическом), а скорее в религиозном миропонимании.

Однако параллельно развивалось и другое, материалистическое, направление, уходящее корнями прежде всего в британские колониальные представления о «цивилизаторском» «бремени белого человека» (Р.Киплинг), которые рядом современных ученых рассматриваются одним из источников фашизма[26]. С появлением в последней четверти прошлого столетия теорий С.П.Хантингтона («борьбы цивилизаций») и Ф.Фукуямы («конца истории»), «цивилизаторское» направление приобрело законченный вид, материализовавшись в хантингтоновской формуле *The West against the Rest.*

Это различие между двумя концепциями цивилизации – культурно-исторической и материалистической – не просто принципиально, а является одним из ключевых теоретических и практических вопросов истории и современности, своего рода «водоразделом». Материализм, особенно вульгарный, «колониальный», рассматривает цивилизацию не культурно-историческим типом, а уровнем «цивилизованности» – уходом от варварства.

Фигура речи «во всех цивилизованных странах...», по-прежнему нередко звучащая в СМИ и учебных аудиториях, выдает в том, кто ее употребляет, «прогрессора» – либерального или леволиберального (социал-демократического).

Не бывает более или менее цивилизованных стран и народов, бывают иные культуры и иные цивилизации, вырастающие из этих культур. Именно поэтому цивилизационная теория (как никакая другая) является ареной борьбы за содержание и смыслы, за власть и суверенитет и в конечном счете за продолжение истории.

Важно подчеркнуть, что в «цивилизаторский» дух прогрессистских теорий ОЭФ и «больших эпох» с помощью культурно-исторического, цивилизационного подхода вносятся «поправки на ветер истории».

Так, Ю.И.Семенов, автор глобально-формационной концепции, в конце 20-х годов XX в. ввел в теорию ОЭФ понятия «социор» (социально-исторический организм) и «параформации». Формации, считал Семенов, универсальны, но внутри них имеются конкретные прецеденты (социоры) – цивилизации, государства, режимы и т.д. Исторические рамки, в которых существует каждый из таких социоров, и есть «параформации». У каждого социора (общества) – свое место и свой путь по лестнице эволюции[27].

Этот подход в истмате не прижился: официальная идеология его не приняла. Но, по сути, Семенов был прав его идеи оказались применимы не только к формациям, но и к «большим эпохам». Прогрессизм, таким образом, соединяется с традиционализмом, прежде всего религиозным, и появляется перспектива возобновления миропроектной конкуренции, т.е. спасения истории и времен от «прогрессорского» конца и гибели.

Главным признаком цивилизации является идентичность (самобытность), которая определяется комплексом достижений материальной и духовной культуры и выражена в ценностях.

«Ценность – понятие, используемое в философии и социологии для обозначения объектов и явлений, выступающих как значимые в жизнедеятельности общества, социальных групп и от-

дельных индивидов. *В различных подходах ценности рассматриваются как атрибут материального или идеального предмета или как сам предмет...* Можно говорить о двух формах ценностей. Во-первых, *ценность выступает как общественный идеал...* Во-вторых, ценность предстает... в виде произведений материальной или духовной культуры... Другим основанием типологии ценностей выступает классификация социальных общностей, отражением жизнедеятельности которых они являются. Наиболее общими являются ценности общечеловеческие. Их универсальность и неизменность отражают *некоторые* общие черты, присущие жизнедеятельности людей различных исторических эпох, социально-политических укладов, классовой, национальной, этнической и культурной при- надлежности. *Вместе с дифференциацией образа жизни людей, принадлежащих к различным социальным общностям, дифференцируются и ценности, порождаемые конкретным общественным укладом и отражающие его специфику...»* (курс. – *Авт.*)[2].

Мы намеренно взяли определение из заведомо ангажированного издания, выпущенного Горбачев-Фондом и Фондом Ф.Эберта, которые имеют общеизвестную либерально-западническую ориентацию. Ведь даже в нем «общечеловеческими» объявляются лишь «некоторые», сугубо материальные, если не сказать утилитарные, ценности: жизнь как физиологический процесс, благосостояние, потребление. Духовные ценности (представления о смысле и устройстве жизни), определяющие идентичность, у каждой цивилизации свои. Иначе говоря, «общечеловеческие» ценности, утверждая примат частного над коллективным, разобщают людей и противостоят органичному, особенно для России, коллективистскому миропониманию.

«...Система ценностей, – указывалось в научном докладе Института Европы РАН, – служит... сеткой координат, вне которой любая цивилизация утрачивает идентичность, если не сам смысл существования. ...Хотя с течением времени ценности могут эволюционировать, их основа все же сравнительно стабильна. Они устойчиво закреплены в нравах и обычаях народов, догматах и ритуалах религиозных конфессий, нормах законодательства»[28].

«Глобальная конкуренция впервые в Новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики...» – говорится в новой редакции Концепции внешней политики России[29].

Этот документ еще ждет своего критического анализа*. Но в нем

---

* В частности, обращает внимание исчезновение из Концепции, по сравнению с предыдущей редакцией 2008 г., упоминания о роли религиозного фактора в цивилизацион-ной конкуренции. Вкупе с другой инновацией, а именно глубоко ошибочным, не соответствующим действительности утверждением о якобы «общецивилизационных корнях» России и стран Евро-Атлантического региона (ст. 54), которые на самом деле отделены друг от друга фундаментальным цивилизационным барьером – непреодолимым расколом христианства, просматривается весьма тревожная перспектива. Речь идет о возможной попытке включения нашей страны, вслед за Ватиканом, с помощью ускоренного насаждения экуменизма и секуляризации в провозглашаемую христианским сионизмом «иудео-христианскую» цивилизационную модель, т.е. о новой, потенциально наиболее масштабной со времен распада СССР сдаче позиций, чреватой утратой не только суверенитета, но и цивилизационной идентичности. Это означало бы окончательную передачу страны под формирующееся глобально-олигархическое внешнее управление. В его рамках глобальный экономический контроль клана Ротшильдов осуществлялся бы с помощью глобального политического контроля со стороны Рокфеллеров и глобального духовного контроля, переданного Ватикану посредством формирования на базе «иудео-христианского» экуменизма «новой мировой религии».

упоминается пока еще не сданная, видимо, в архив идея соперничества ценностей, формирующих модели развития. Поэтому, оговорившись, что это соперничество не только распространяется на взаимоотношения евро-атлантического Запада и России, но и превращает их конкуренцию в антагонизм, составляющий основное содержание (онтологию) всей «большой эпохи» Модерна, мы неизбежно приходим к идее формирования цивилизационных по своей природе проектов, формирующих фундамент соответствующих моделей.

Самым ярким примером такого проекта, конечной целью которого является глобализация, безусловно, является Запад с приводившимся нами принципом *«The West against the Rest»*, которым он руководствуется в цивилизационной конкуренции. Следовательно, глобализация представляет собой не что иное, как процесс реализации западного глобального проекта.

Еще раз подчеркнем: даже вызывающая массу вопросов Концепция внешней политики все-таки признает угрозу цивилизационным ценностям и идентичности со стороны глобализации (ст. 14) и заявляет о готовности ей противостоять, в том числе с помощью и в рамках СНГ (ст. 45). Делать, однако, это можно по-разному. В рамках избранного и отраженного в Концепции пассивного варианта такое противостояние будет носить не проектный, а компромиссный характер, предполагающий очередную попытку встроить Россию в проект «глобализация».

Известный политолог С.Е.Кургинян метафорично характеризует эту линию как стремление «выпросить» в «глобальном доме»* более удобную и престижную, чем нынешняя, «квартиру». Но поскольку «управдомом» является Запад во главе с США, а «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», российским адептам такого «попрошайничества» из числа так называемого «креативного меньшинства» выдвигаются встречные условия. Перечислим лишь некоторые из них:

– согласиться с тем, что наша страна – часть Европы (хотя три четверти ее территории находится за Уралом), и либо войти в европейскую региональную группу глобализации, либо разделить страну так, чтобы европейская территория Россия оказалась в будущем Центральном «мировом блоке», а Сибирь и Дальний Восток – в Восточном**;

---

* Крупный отечественный мыслитель А.А.Зиновьев называл такой «дом» «глобальным человейником»; другой возможностью охарактеризовать этот феномен авторам статьи видится преломление известной формулировки Дж.Оруэлла («1984») – «глобальный скотный двор», в котором «все звери равны, но некоторые более равны, чем другие».

** Второй доклад Римскому клубу (1974 г.) предложил «десятирегиональную» модель глобальной организации, основанную на спецификации мирового разделения труда между регионами, а также на их последующем объединении, в соответствии с упомянутым «глобальным планом» А.Печчеи, в три «мировых блока» – Западный, Центральный и Восточный. Именно в целях реализации этого плана параллельно с подготовкой доклада (1972–1973 гг.) создавалась упомянутая Трехсторонняя комиссия – закрытая международная НПО, объединяющая деловые, политические и научные элиты Северной Америки, Западной Европы и Японии (с 2000 г. – всего Азиатско-Тихоокеанского региона), которую возглавили Д.Рокфеллер (президент) и Зб.Бжезинский (исполнительный директор).

– соблюдать все правила Совета Европы, особенно отмену смертной казни;

– обеспечить юрисдикцию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ);

– принимать к исполнению все указания ОБСЕ – особенно по выборам и по «правам» человека и меньшинств;

– культивировать толерантность, в том числе к нетрадиционной сексуальной ориентации, несовместимой с нашей цивилизационной традицией и идентичностью;

– ввести ювенальную юстицию, открывающую канал массовой переправки российских детей на Запад;

– предоставить свободу действий НПО, подрывающим государственный суверенитет;

– принять протокол к Энергетической хартии ЕС, требующий допуска западных компаний к контролю над российскими природными ресурсами;

– «сдать», вслед за Ливией, еще и Сирию;

– поверив в то, что «России никто не угрожает», согласиться на создание европейской ПРО и новые сокращения стратегических ядерных сил;

– самое главное – избавиться от «имперских замашек» и отречься от собственной истории – сначала советской, а затем всей, заклеймив ее как «недостойную уважения».

Активной альтернативой этому национальному и цивилизационному унижению и апартеиду является строительство собственного «дома». Но готова ли к этому российская элита, которая до сих пор, несмотря на все печальные уроки постсоветского двадцатилетия и очевидную самодостаточность России, не оставляет надежд на интеграцию в Запад? Актуален и другой вопрос: строить ли «дом» заново, или хотя бы частично восстанавливать разрушенное, особенно учитывая то обстоятельство, что суммарный ВВП России, Украины, Белоруссии и Казахстана составлял около 94% ВВП всего СССР?

Между тем, как мы убедились, основным условием включения России в «евро-атлантическую» цивилизацию является отказ от собственной истории и цивилизационной идентичности, т.е. от проектности. Именно перед такой дилеммой, уже упоминавшейся в связи с «неудобным вопросом» к теории ОЭФ, в канун 1917 г. оказалось руководство большевистской партии во главе с В.И.Лениным. Марксизм – западное учение, и ко второму десятилетию XX в. европейские марксисты с благословления Ф.Энгельса прочно вписались в двухпартийные системы. В отличие от нынешней российской элиты Ленин смог найти ответ на этот «оппортунистический» вызов, создав собственную теорию государства и сформировав тем самым самостоятельный проект, отличный от капиталистического, частью которого стали марксистские партии Запада[30].

Несмотря на зашкаливающий атеизм, основатель будущего СССР вольно или невольно осознал тогда несовместимость России и Запада, хотя и выразил ее с помощью не цивилизационной, а марксистской методологии, в русле отвергаемой религиозным традиционализмом революционной парадигмы. Вместе с тем следует признать, что включением в

эту парадигму Россия обязана отнюдь не Ленину и его партии, а либерально-социалистическому альянсу IV Государственной думы (1912–1917 гг.), осуществившему Февральскую революцию.

Причем в основе этого альянса находилась межфракционная ложа Великого Востока народов России (ВВНР), возглавляемая М.В.Родзянко и А.Ф.Керенским и тесно связанная с военной ложей этого масонского ордена, в деятельность которой ее предводителем, видным октябристом А.И.Гучковым, была вовлечена значительная часть генералитета. Именно поэтому Октябрьскую революцию следует рассматривать отнюдь не «окончательным разрушением» империи, а, напротив, «экспроприацией экспроприаторов», открывшей перспективу для ее восстановления, но уже в виде красного, советского проекта, которым и стал Советский Союз.

Вернемся теперь к поставленному Ф.И.Тютчевым, исключительному по своей важности вопросу об особой роли России во всемирно-историческом процессе, увязывающем будущее человечества с исторической судьбой нашей страны.

Катехон против глобализации

Выше мы объяснили невозможность для нашей страны стать «частью Запада» с цивилизационно-традиционалистских позиций: кардинальным разрывом восточного и западного христианства, острота, интенсивность и фундаментальная неразрешимость которого демонстрируются, например, многолетним межконфессиональным конфликтом на Западной Украине. Приведем еще одно важнейшее объяснение, которое принадлежит С.Е.Кургиняну и подтверждает наш вывод уже в цивилизационно-прогрессисткой оптике. «Инаковость» России объясняется особой ролью культуры как универсального для любой эпохи отечественной истории регулятора общественных отношений, отличного от Запада, где роль такого регулятора принадлежит закону (праву)[31]. Так сложилось исторически. Просто остальные государственные скрепы (регуляторы) не выдержали нагрузок, предложенных такими кардинальными цивилизационными катаклизмами, как петровские реформы, падение монархии, крах Российской империи и Советского Союза и т.д.

Именно поэтому Россия не вписывается в культурную унификацию, осуществляемую в рамках глобализационного «мультикультурализма», и не может стать правовым государством в западном понимании этого термина. В результате, независимо от желания или нежелания нашей элиты, а также от политического строя, Россия всегда стоит Западу поперек дороги.

«...Наша цель – свержение советской власти, – записано в директиве Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 г. № 20/1. – *...Независимо от идеологической основы любого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей...* чтобы даже... номинально дружественный к нам режим:

– не имел большой военной мощи;

– в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;

– не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;

– не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом...» (курс. – *Авт.*)[32].

В этой цитате изложена суть отношения Запада к России, квинтэссенцией которого служит выдержка из письма известного русского консервативного историка и просветителя XIX в. М.П.Погодина министру народного просвещения Российской империи С.С.Уварову. «Россия, – пишет Погодин, – решительно не имеет доброжелателей между европейскими государствами»[33].

В христианском мировоззрении – не только в православии, но и в сакральных тайнах католичества, например Фатимских пророчествах – феномен России объясняется термином «Катехон» – страна (земля, сила), «удерживающая» мир от сползания к Апокалипсису. Причем в любой исторической форме – Московского царства, Российской империи, СССР и даже нынешней Российской Федерации.

«...Имперская государственность... несовместима с глобализацией. ...Она сама представляет собой частную глобализацию на своем пространстве, – отмечает В.В.Аверьянов, директор Института динамического консерватизма. – Поэтому имперские проекты не могут не противоречить той глобализации, которая является по отношению к ним внешней»[34].

Именно поэтому нашу страну не оставляют и никогда не оставят в покое. Пока существует Россия – многонациональное и многоконфессиональное государство, обладающее имперским (сверхдержавным) потенциалом полноценной глобализации не получится, даже если часть российских элит по недомыслию или в силу готовности предать собственную страну и историю сама к ней стремится.

Катехон – религиозное понятие. Но есть геополитика – важная отрасль политической науки. Все классические геополитические концепции – Х.Дж.Маккиндера, А.Мэхана, Н.Спайкмена, К.Хаусхофера, К.Шмитта и др. – берут за основу противостояние суши и моря. Эпицентром суши («Хартлендом») при этом считается Север Евразии – Россия, имеющая выход к трем океанам, а эпицентром моря – англосаксонский островной мир, в первую очередь Британия и США (Америка по отношению к Евразии является «большим островом»).

«Кто владеет центром Евразии – владеет всем миром. Впервые в истории над Евразией доминирует не евразийская держава – США. Ее сил на все начинает не хватать, а ее население не готово нести бремя имперских издержек. В Европе положение еще хуже: она не хочет платить даже за собственную безопасность. Что и как надо сделать, чтобы, разделив ответственность, сохранить нынешнее положение вещей, желательно – навечно?, – вот лейтмотив знаменитой «Великой шахматной доски» Бжезинского.

Во время холодной войны граница между сушей и морем проходила, условно говоря, по Берлинской стене – рубежу, разделявшему Варшав-

ский договор и НАТО, а сегодня, после распада СССР и расширения НАТО и ЕС на Восток, она проходит по северо-западу России, Белоруссии и Украине.

«Арабская весна» в этой проекции не что иное, как экспорт хаоса, который с помощью революций, приводящих к власти исламских фундаменталистов, насаждает нестабильность в южном лимитрофе, самом уязвимом геополитическом «подбрюшье» России и Китая, вблизи проблемных регионов и зон интересов наших двух стран*.

Началось это противостояние в Евразии еще в XVI в. во времена царствования Ивана Грозного и Елизаветы I. В XIX в. оно получило название «Большой игры» (в английском варианте, «Великой игры» – *The Great Game*).

Примечания

[1] Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официаль-ные материалы / сост. Д.М.Гвишиани, А.И.Колчин, Е.В.Нетесова, А.А. Сейтов. М., 1997. С. 72.

[2] Глобалистика // Международный энциклопедический словарь / под ред. И.И.Мазура, А.Н. Чумакова. М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. С. 163–173, 982.

[3] *Цит. по: Хаггер Н.* Синдикат. История мирового правительства. М., 2009. С. 49–50.

[4] *Павленко В.Б.* Современная геополитическая ситуация и проблемы формирования политической культуры молодежи. Доклад на заседании Всероссийской международной конференции «Политическая культура и ее формирование в молодежной среде» (РГСУ, 27 июня 2012 г.) // URL: http://akademiagp.ru/v-pavlenko-sovremennaya-geopoliticheskaya-situaciya

[5] Программа КПСС. М., 1961. С. 62.

[6] *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.

[7] *Энгельс Ф.* К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В. 2-х томах. М., 1952. Т. II. С. 320–338.

[8] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32–50.

[9] *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. Наука об опыте сознания. М., 2007. С. 138–177.

[10] Россия для США – не поверженный противник // URL: http://www.fontanka.ru/2011/03/05/042

[11] *Саттон Э.* Как Орден организует войны и революции // URL: http://www.russky.com/history/library/sutton1

[12] *Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J.* The Crisis of Democracy. Report on the Governability to the Trilateral Comission . N.Y., 1975. P. 49.

[13] *Тютчев Ф.И.* Россия и революция // Россия и Запад. М., 1991. С. 53–62, 78–95.

[14] Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис) // URL: http://bookz.ru/authors/noviizavet/otkroven_906/1-otkroven_906.html

[15] URL: http://www.eleven.co.il/article/13823

[16] *Четверикова О.Н.* Религиозно-финансовый проект для всего человечества // URL: http://oko-planet.su/politik/politikmir/155453-olga-chetverikova-religiozno-finansovyy-proekt-dlya-vsego-chelovechestva.html; Она же. Реабилитация нацизма – на повестке дня мировых правящих элит // URL: http://oko-planet.su/first/165601-olga-chetverikova-reabilitaciya-nacizma-na-povestke-dnya-mirovyh-pravyaschih-elit.html

---

* Вопросами создания и управления хаосом в США занимается специальный закрытый Институт проблем Сложности в Санта-Фе, тесно связанный с одним из видных функционеров государственного департамента С.Манном.

[17] URL: http://krotov.info/acts/20/2vatican/dcmnt377.html
[18] *Четверикова О.Н.* Измена в Ватикане, или Заговор пап против христианства. М., 2011. С. 212–214.
[19] *Павленко В.Б.* «Большая игра» Ротшильдов и Рокфеллеров: на свету и в тени // URL: http://akademiagp.ru/v-b-pavlenko-bolshaya-igra-rotshildov-i-rokfellerov-na-svetu-i-v-teni (I); http://akademiagp.ru/v-b-pavlenko-bolshaya-igra-rotshildov-i-rokfellerov-na-svetu-i-v-teni-ii (II)
[20] *Сталин И.В.* Интервью Рою Говарду // Правда. 1936. 5 марта.
[21] Цит. по: *Валес Ф.* Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке // URL: http://www.libma.ru/istorija/revolyucija_grjadet_borba_za_svobodu_na_blizhnem_vostoke/p9.php#metkadoc3
[22] *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Цветущая сложность. Избр. статьи. М., 1992. С. 67–126.
[23] *Мау В.А.* Человек, а не индустрия // Ведомости. 2012. 6 июля.
[24] *Хазин М.Л.* Теория кризиса // Профиль. 2008. № 33. 8 сентября. С. 46–53.
[25] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому. СПб., 1995. С. 340–341, 360–362, 368.
[26] *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма. СПб., 2003. С. 7–28.
[27] *Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках. М., 2005. С. 231–254.
[28] Россия в многообразии цивилизаций. В 3-х частях / под ред. Н.П.Шмелева, Т.Т.Тимофеева, В.П.Федорова. М., 2007. Ч. I. С. 9.
[29] Концепция внешней политики РФ. Ст. 13 // URL: http://www.mid.ru/bdomp/Brp_4.nsf/arh/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F?OpenDocument
[30] *Ленин В.И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1–120.
[31] *Кургинян С.Е.* Суть времени – 8 // URL: http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=95
[32] Личная секретная служба И.В.Сталина / сост. В.В.Вахания. Сб. документов. М., 2004. С. 306–307.
[33] *Погодин М.П.* Письма и записки в продолжение Крымской войны // Сочинения. В 5-ти томах. М., 1874. Т. IV. С. 43.
[34] *Аверьянов В.В.* Империя и воля // URL: http://pravaya.ru/look/21172?print=1

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su E-mail: observer@ru.ru